Н.РУДКОВСКИЙ

ЖЕНЩИНЫ БЕРГМАНА

Действующие лица:
Ингрид
Лив
Харриет
Врач

1 АКТ

КРИЗИС

Больничная комната. Стол, кровать, на полу – проигрыватель. Тусклый свет. На кровати лежит пациентка. Раздается слабый хрип. Женщина ворочается во сне: ей жарко или снится плохой сон. Она раскрылась, подняла ноги, перевернулась. Прикрылась одеялом и еще раз перевернулась. Вытянула в сторону руки и легла на живот. Сбросила на пол одеяло. Присела. Легла. Свет становится ярче.
Входит медсестра Лив. Она подходит к столу, не взглянув на больную. Достает шприц и набирает в него лекарство. Вспрыснула. Подходит к больной женщине и делает ей укол. Включает проигрыватель. Музыка взошла.

ЛИВ. Сегодня сильный ветер. Возможно, только два градуса тепла. Мокрый снег, и очень темно. Солнца не будет. Это точно. Как вам спалось? Плохо. Снова плохо. А лучше не будет. Никогда. Никогда. Всегда будет плохо. Сцена, аплодисменты. И вдруг – жуткие лица! Они смеются над вами. «Вот безголосая певица! Как оно здорово хрипит! Ей надо выступать в цирке! Ха-ха-ха! Примадонна Ингрид!».

Ингрид бросает подушку в проигрыватель, но не попадает. Безмолвно падает на кровать.

ЛИВ. Ну и что? Вы не выйдете отсюда. Вы будете долго умирать, глядя в потолок. А еще ночью, когда темно, здесь начинают ползать черные насекомые. Заползет жук вам в ухо, а назад не выползет. Он начнет поедать ваш мозг, а когда все съест, умрет от голода. Он будет разлагаться, и весь череп начнет гнить вместе с ним.

Лив показывает, как деформируется лицо, подойдя к Ингрид. Та отворачивается, но Лив находит ее взгляд. Ингрид застонала.

ЛИВ. Не плачь, бедненькая, я пошутила. Ты сама подумай, какую глупость я сказала. Разве жук может умереть от голода, съев твой мозг? Ты не будешь гнить, ты умрешь раньше, когда он начнет пережевывать твое серое вещество. Это не больно. Тебе, наверное, не приходилось испытывать щекотливое чувство медленного внутреннего поедания. Нет? Это приятно. Ты это испытаешь. Хочешь, чтобы это произошло намного быстрее? Зачем ждать? Я сделаю сейчас. Вот толстенький жучок. Сейчас я положу его в твое нежное ушко. Вот так.

Лив дотрагивается пальцем до уха Ингрид, а та, всерьез подумав о смерти, отчаянно машет руками. Лив смеется.

ЛИВ. Ладно. Шутки шутками, а я пойду в другую палату. Ты поспи, будь умницей. Я скоро приду.

Лив выключает проигрыватель, забирает свои вещи и уходит.

ТЮРЬМА

После ухода Лив стало тихо, но постепенно откуда-то стал рождаться неясный звук, напоминающий скрежет железного лома или бряцания дождя о медную посуду. Ингрид поначалу лежала спокойно, но усиливающийся шум невыносимо давил на нее. Ингрид начинала сильно

ворочаться и, наконец, встала. Она была в ночной сорочке, бледная и похудевшая. Шея была крикливо перебинтована. Желтыми зрачками Ингрид впилась в кровать. Она перетряхнула белье, ища врагов. Не успокоившись, пациентка ползла по полу, изучая каждый квадратный сантиметр помещения. Затем перешла на стены. Изнемогая, она заткнула уши и упала на одеяло, лежащее на полу.

ПЕРСОНА

С книгой в руке входит Лив.

ЛИВ. Упала. Странно. Ей, наверное, плохо. Я понимаю. Мне тоже бывает тяжело, но я не падаю. У меня бывает кровоточащая пустота в душе, сердце кричит, но я не пачкаю белье! Надо уважать чужой труд. Разлеглась! Встань.

Лив дотронулась ногой до лежащего тела. Ингрид поднялась и села на край кровати. Лив, схватив одеяло, швыряет его на кровать. Ингрид легла.

ЛИВ. Дорогая моя, я нашла в библиотеке любопытную книгу. Она тебе должна понравится. Давай ее вместе почитаем. У тебя есть сестра?

Ингрид отрицательно покачала головой.

ЛИВ. А младший брат?.. нет. А дети у тебя есть?

Ингрид молчит.

ЛИВ. Это плохо. У меня тоже никого нет. Ни сестер, ни братьев, ни детей. И родителей у меня нет. *(Пауза).* Что же это я? Нервы ослабли. Да! Книга. Она с картинками. Давай вместе ляжем, как маленькие, а я тебе почитаю вслух. (*Лив легла на кровать к Ингрид и раскрыла книгу).* Вот отсюда. «С дерева упал зеленый лист. Замер на секунду и упал, медленно-медленно кружась. Жаль

его. Он не сухой, не желтый, а зеленый. Так и я. Меня любят мужчины, я еще очень молода, но безутешная скорбь морщинками легла на овал лица. Что меня терзает? Я не могу плакать. У меня болит горло, я потеряла голос. Я не могу больше петь, я только умею улыбаться. Только улыбаться. Все думают, что птица – это та, которая умеет летать. Они ничего не понимают, и я раньше ничего не понимала, пока не потеряла голос. Птица – та, которая может петь. Если она не поет, она не птица, она - чучело. И я чучело. Многие не имеют ни слуха, ни голоса – их счастье. Но у меня нет радости. Когда я пою, я лечу к смеющемуся солнцу. Солнце потухло, но его свет продолжает плыть ко мне. Он плывет, а я улыбаюсь. Но если с последним вагоном уедет последний луч, улыбка растает на паркетных губах. Я сяду в метро и исчезну в проемах туннеля». (*Лив оторвалась от книги).* Тебе нравится?

Ингрид отрицательно покачала головой.

ЛИВ. Почему? Ты не находишь параллель? Странно. Это письмо писала певица со схожей судьбой. У нее пропал голос, и она открывает читателям мрачный смысл шепота. Может, придет день, когда и ты напишешь о смутах своей души. Все будут читать твои мемуары, и, может быть, кто-нибудь вспомнит, что жила-была когда-то певица с бархатистым голосом, но однажды она его потеряла, а найти так и не смогла. Твоя книга станет бестселлером сезона, ее переведут на шесть языков, и очень многие узнают о твоей жизни. Если хочешь, я буду помогать тебе, стенографировать твои знаки. О! У меня есть знакомый фотограф, который к тому же недурно рисует. Он смог бы оформить наше издание, создать иллюстрации. Также в книге будет множество фотографий. Например, «Ингрид в детстве», «Ингрид в Лондоне», «Ингрид, 21 год», «Ингрид в больничной палате со своей лучшей подругой – медсестрой Лив».

Ингрид сделала рукой жест «крест-накрест».

ЛИВ. Как? Ты не хочешь написать мемуары? О, ты невозможна! До старости ты будешь плакаться в жилетку? Лучше облегчить свою душу, рассказать миру о своей беде. Я думаю, что это единственно правильное решение. И что у тебя за манера не слушать собеседника? Это, по крайней мере, неприлично. Ты смотришь в потолок и отвлекаешься от моих советов. Где ты воспитывалась?

Ингрид присела на край кровати. Лив пролистала книгу и, отложив ее в сторону, подсела к больной и обняла ее за плечи.

ЛИВ. Да, может быть, это свинство с моей стороны, что я принесла эту книгу. Я понимаю, что тебе неприятно слушать об этом. Но ты должна понять, что ты не первая и не последняя певица, которая не может больше петь.

Ингрид поднесла палец к губам Лив, а затем приложила руки к своим ушам. Лив задумалась.

ЛИВ. Давай поговорим с тобой начистоту, как лучшие подруги. В конце концов, я единственная пока, кому ты можешь довериться, не так ли? Неужели ты веришь, что тебя вылечат? Ответь.

Ингрид опустила руки.

ЛИВ. Так знай! Я слышала разговор доктора, и он сказал, что тебе ничего не поможет. Одна хорошая новость: ты будешь говорить, - и все! Тебе этого мало? Почему ты не реагируешь на мои слова? Зачем тебе голос? Зачем пение? Кому от этого хорошо? Ты думаешь - публике? Ты сильно ошибаешься! Ты никому не нужна! Сегодня тебе рукоплещут и кричат «бис», а завтра никто не вспомнит твоего имени. Никто! Ты будешь стареть, волосы покроются сединой, а тебе никто не позвонит. Даже когда ты умрешь, ни один телевизионный канал не будет скорбеть по известной когда-то певице. Это даже к лучшему, что голос ты потеряла сейчас. Это

провидение дает знак тебе. Забудь о сцене. Забудь! Допустим, что и разговаривать ты не будешь. Ну и прекрасно! Ты будешь нема, как рыба, а мужчины любят, когда женщины молчат. Ты станешь для него любимой русалкой. *(Смеется).* Что я такое сказала?

Ингрид заплакала. Соленые хлопья падают на бинт.

ЛИВ. Прости. Я расстроила тебя? Да? Так ты извини. Но знай, что я всегда права. Подумай, а мне надо уйти. (*Уходит).*

ЖАЖДА

Ингрид вытерла слезы. Немного успокоилась. Выпила стакан воды, стоящий на столе, и включила музыку. Легла на кровать. Приподнялась. Ей мешала книга, которую забыла медсестра. Ингрид пробежала глазами по страницам, нашла то место и быстро прочитала. Неожиданно она начала вырывать страницы в бешеном порыве отчаяния. Клочки бумаги, как рождественский снег, окутали пол. Ингрид съежилась от холода и села за стол.

ИСТОЧНИК

Входит Лив.

ЛИВ. Вот опять и я! Знаешь, это так приятно работать в воскресенье. Начальства нет. Делай, что хочешь. Можно и на кровати поваляться. Красота! (*Падает на кровать*). Так хочется поспать. Встаешь рано. Идиотская работа! А человеку надо хоть немного здорового сна. (*Закрывает на минуту глаза*). Что ты там сидишь? А что это? *(Свешивает ноги на пол. Начинает поднимать обрывки книги и узнает их).* Что ты наделала? Ты хоть понимаешь, что это из библиотеки? Что я теперь буду делать? Как ты могла?

Голос Лив жалко треснул. Она подбирала кусочки, пытаясь их выровнять и сложить в целую страницу. Ингрид подошла и начала помогать ей.

ЛИВ. Как ты могла? Зачем?

Она плакала, а Ингрид подавала ей порванные листы.

ЛИВ. Какая я несчастная! Я… Я…

Ингрид гладила ей волосы, чтобы успокоить нескромные чувства. От теплого прикосновения рук Лив становилось необъяснимо легко на душе. Рука смягчалась на заплаканных щеках, и Лив всхлипывала от приятных слез. Ингрид взяла лист и сделала из него птицу, которая взмыла вверх, летя от невзгод и обид. Бумажная птица разбилась. Лив отдернула руку сочувствия, чтобы не быть доброй.

ЛИВ. Пожалела? Хорошей хочешь быть? Не надо. Я никогда не верила в любовь. Она не приносит нежный трепет. Душа молчит. Она застыла в неловкой позе. Ей просто нужно обмануть других, будто она спит, и тогда ее не тревожат, боясь разбудить. Они уходят. Душа лукаво приоткрывает один глаз, наблюдая за уходящими, а затем со смехом кричит вслед «Простачки!» и танцует в дремучей радости… Подбери, пожалуйста, мусор. Спасибо. Пока. (*Уходит).*

ЛИЦО

Ингрид взяла на руки умирающую птицу, бьющуюся в страхе от прикосновения чужих рук. Бумажные перышки разрезали воздух, чтобы отыскать обитель покоя. Ингрид впервые подушечками пальцев слышала несущийся рокот отчаянного сердца. Она изучала глаза смерти, чтобы навсегда запомнить отсутствующий до

боли и вместе с тем зовущий с собой взгляд, давящий на мысли ушей.

Она не могла так быстро листать эту книгу жизни, потому что ей постоянно мешали зрачки, увязшие в болоте. Они замерзли от уставших в полете снежинок. Ингрид свернула поникшую голову, чтобы птица не встретила смерть. Крохотное тельце ожило с последним ударом сердца. Ингрид собрала в кучу осенние листы книги, а затем на дно спрятала от посторонних заблудшую душу.

Тишина пробила двенадцать, и от этого шума стало невыносимо грязно. Ингрид хотела бы убежать, но нельзя сделать шаг, надо пригласить чистый запах. Она руками мыла пол, прекрасно зная, что тряпки в сильный ветер, срываясь с веревок, летят как птицы. Пусть им будет лучше, а она как-нибудь своими руками встретит воздух.

Пыль попала в лицо. Ингрид забыла, что чист только пыл, но испачканы руки, которые просто так мажут лицо в детской забаве. Ингрид искала зеркало, но его не могло здесь быть. Даже на стенах нет отражения грустных глаз. Разбив стоящий предмет на столе, она посмотрелась в осколок, который сулил большие неприятности. Чтобы предотвратить охающую беду, Ингрид под подушку положила спать осколок, завернув его в белую простынь.

У ИСТОКОВ ЖИЗНИ

После второй тишины вошла веселая Лив, держа в руках покупные цветы.

ЛИВ. Как я люблю цветы! Это встреча с улыбкой, с надеждой, с еще не рожденным ребенком! Забавно вторгаться в тайны жизни. Они еще не распустились, они не готовы взглянуть вам в глаза, потому что им стыдно. Вот видите, цветам бывает стыдно за свою

некрасивую внешность. Только в блеске фотоаппаратов они чувствуют себя прекрасно. Им есть что тогда показать публике. Но можно сделать по-другому. Смотри, волей рук ты раскрываешь лепестки и видишь желанное. Ах, бедняжка. От стыда опустила голову, она плачет от обнаженной боли. Она никогда не сможет гордо смотреть вперед. (*Лив расставила цветы в пустые банки из-под использованных лекарств. Стол понемногу привык к таким гостям).* Можно спросить? Ты любишь цветы?

Ингрид утвердительно кивнула.

ЛИВ. Да, я понимаю. Тебе часто приходилось получать от горячих поклонников охапки любви и восторга.

Ингрид опустила голову.

ЛИВ. Знаешь!

Ингрид вздохнула и нервно повернулась к медсестре.

ЛИВ. Ничего, ничего. Я только хотела узнать, какой цветок ты больше любишь?

Ингрид задумалась. Видимо, она не могла сразу ответить. Она молчала, сжимая от напряжения мысли одеяло со штампом больницы.

ЛИВ. Итак…

Покачнувшись в правую сторону, Ингрид поплыла по саду, ища глазами разбитую в траве клумбу. Там среди молодых и зеленых листьев мятлика рос он – нежно любимый цветок. Ингрид стало легче. Она руками старалась изобразить листья и корни, бутон и стебель, цвет и запах, но Лив ее не понимала.

ЛИВ. Ромашка. Роза. Нет? Может, сирень? Тоже нет. Странно. Погоди. Тюльпан. Нарцисс. Гладиолус. Астра. Что еще? Лилия, гвоздика, орхидея. Не знаю. А какой

цвет? Желтый? Синий? Коричневый? Красный? Черный? Белый? Ах, белый… Я все равно не знаю. И это уже не важно. Будем надеяться, что эти цветы украсят могилу на твоих похоронах.

Ингрид подошла вплотную к Лив и замахнулась рукой. Лив отступила немного. Ингрид приблизилась к ней, сжав с силой поднятую кисть.

ЛИВ *(со страхом в голосе*). Смотри, кто пришел!

Она показывала в темный угол палаты. У Ингрид захватило дыхание от надвигающегося сзади мокрого ужаса. Но впереди дрожала тень ночного кошмара. Ингрид открыла рот, чтобы предупредить Лив о беде, но не могла. Рука указывала на притаившуюся смерть. Лив оглянулась, но там никого не было.

ЛИВ. Шутки.

Ингрид ударила ее по лицу. Лив отпрыгнула от неожиданности.

ЛИВ. А мне не больно! А мне не больно! Вот так.

Лив дразнила больную, бегая по полу, по которому ходили ноги по пути в мир иной. Запыхавшись, Лив посмотрела на ненавистную ей женщину. Отдышавшись и поправив сбитые волосы, она достала из кармана очки и надела их, чтобы лучше рассмотреть врага.

ЛИВ *(после паузы).* Я тебя ненавижу. Если бы ты могла услышать ночью мой шепот на сонных губах, ты бы ужаснулась от позолоченной рамки, не видя саму картину. Я тебя ненавижу. И это правда. Тебе не повезло, и я искренне сожалею тебе. Пока ты будешь лечиться здесь, я каждую минуту буду омрачать секунды твоей жизни, а когда они соберутся в час, ты не захочешь больше жить. Ты поймешь, что смерть – это лучшее, что только можно пожелать в жизни. Ты

проклянешь солнце за то, что оно убегает и приближает ночь, несущую дикие мысли и страшные сны. За то, что солнце приходит вновь, но утром не повеет счастьем, потому что утро пахнет ничем. Оно без запаха. Это жуткие слова. В этой правде кошмар облаков.

Теперь наступала Лив, четко чеканя слова вперемежку с шагами, а Ингрид скромно удалялась к стене, которая не пускает дальше людей. Она их держит в объятиях и приятно дышит в шею.

ЛИВ. Страшно? Еще бы! Отцвели цветочки, ягодки созрели. Когда будем варенье варить, а? Что молчишь? Мы не любим варенье? Ах, все-таки иногда кушаем. Хорошо. Может, пообщаемся дальше? Какое у тебя любимое варенье? Клубничное? Земляничное? Красное? Желтое или зеленое? Ах да, белое… Почему белое? Что бывает белого цвета? Белая ворона. Ответ прост! Глядя на тебя, догадаешься сразу: ты любишь белое варенье из снега.

Ингрид села у удивленной стены. Лив переменила пластинку, и звуки музыки легко пролетали в вечерних бликах далекого неба.

ЛИВ. А как ты готовишь варенье из снега? Снег при большом огне должен растаять, останется сахар, и горячие сгустки воды растопят его. Или, может, оно вкуснее оттого, что нельзя попробовать снежное варенье?

Они посмотрели друг на друга, ища объяснение своей ненависти и притягательной силы необходимости жить вместе.

ЛИВ. Когда наступит зима, и обязательно выпадет белый, чистый снег, а я верю, что так и будет, я пойду в лес, где тепло от сугробов, наберу в корзинку много-много снежинок с еловых лапок, а вечером, придя к себе домой, я сяду в уютное кресло, накроюсь старым пледом

и отведаю из любимой чашки снега, посыпанного сахаром… Скоро ужин. Я схожу на кухню. Бай-бай.

Лив остановила музыку, чтобы она не мешала ей слушать стук своих удаляющихся шагов, которые исчезли за дверью и негромко пробежали по длинной лестнице.

ЖЕНЩИНЫ ЖДУТ

Ингрид не услышала последние шаги медсестры. Они утонули в звуках дверей и окон.
Ингрид подошла к столу, чтобы посмотреть на дрожащие цветы. Они тоже смотрели на нее, недоумевая такому интересу по отношению к ним. Ингрид не могла ждать, она хотела увидеть сейчас, как они распускаются под лучами искусственного света. Она сама помогала им, раздвигала друг от друга тонкие лепестки, которые не хотели разлучаться, но ничего не могли сделать. Злой рок смял их сок, загустевший у кромки соцветий. Теперь цветы были растрепанными, вызывающе броскими, как будто их место было не здесь в больнице, а на шумной свадьбе среди бьющейся посуды, когда целуются жених и невеста.
Ингрид собрала цветы в букет и решила его спрятать под подушку, где мирно спал осколок, сопя самому себе. Цветы посмотрели на него и легли рядом. Легли очень спокойно, не включая свет, боясь потревожить нового соседа. А стол провожал гостей. Он приготовился к ужину и ждал, когда придет его хозяйка.
Хозяйку ждала и Ингрид. Хотя ей нисколечко не хотелось есть. Она все же тревожно ждала ее прихода.

УРОК ЛЮБВИ

Вошла Лив. У нее были ярко накрашены губы, что нехорошо уживалось с представлением людей о медсестрах.

ЛИВ. Проголодалась? Сейчас я тебя покормлю. Только вначале ты должна исполнить мою просьбу. Не спрашивай, какую именно. Я все равно не отвечу, пока ты не согласишься. Да? Ты согласна?

Ингрид не оставалось ничего другого, как положительно кивнуть головой.

ЛИВ. Вот и замечательно. Я пересолю твой бульон. (*Лив обильно сыпала соль, пока все крупицы не утонули в тарелке).* Теперь он очень соленый. Ты догадываешься, почему я так сделала? Я влюбилась!!! Ты рада за меня?

Ингрид посмотрела на эту хрупкую девушку. Она удивлялась ее словам, поведению, большим глазам, как у обиженного ребенка, готового громко заплакать.

ЛИВ. Ты не рада? А я на седьмом небе. Только он еще не знает, что я его люблю. Но он еще узнает. Я ему дам немного времени. Ты не веришь в мои возможности?

Ингрид сделала странный жест и подошла к столу, взяв ложку.

ЛИВ. Нет, кормить тебя буду я. Я люблю ухаживать за другими, потому что за мной не ухаживают. Давай скушаем одну ложечку. Вот так.

Ингрид скривилась от пересоленного бульона.

ЛИВ. Не вкусно? Все равно надо кушать, чтобы быстрее поправиться. Теперь скушаем за маму, за папу…

Ингрид плевалась.

ЛИВ. Ты как ребенок, право! Надо вытереть ротик. Где твой платочек, девочка? Наверное, он под подушкой.

Лив стремительно подошла к кровати, но Ингрид опередила ее. Она закрыла телом свое ложе, чтобы

ничьи руки не смогли дотронуться до ее маленьких сокровищ.

ЛИВ. Вот ты как! Что ж. Пусть будет по-твоему. Доедай одна свой гадкий суп. Я в него плюнула, когда поднималась сюда. Как жалко, что я не взяла в лаборатории змеиный яд, чтобы у тебя вылезли на лоб глаза. Ты бы их носила в ладошках, а то, чего доброго, они выпали бы из дырявого кармана. Ты так и голос свой потеряла. О! Смотри! Он лежит под столом! Бери быстрей, пока не украли!

Ингрид взглянула под стол, на что Лив ответила громким хохотом. Она не ожидала такой реакции от Ингрид.

ЛИВ. Растяпа! Следить за карманами нужно. (*Лив смеялась. Ее смех смолк, когда сильно хлопнула входная дверь).*

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Ингрид вздрогнула от этого резкого шума. Она помешала ложкой суп и еще раз посмотрела под стол. Не найдя там ничего, она улыбнулась сама себе. Ей было скучно. Поздний вечер никогда не приносил ей вздорную радость. Хотелось поговорить с кем-нибудь, но никого не было, да и говорить она не могла. Вот если бы слушать.

Ингрид включила проигрыватель. Музыка ей не понравилась. Она постаралась найти что-нибудь для души, но так и не смогла. Ей ничего не оставалось делать, как лечь спать. Она поправила одеяло, подушку и простынь. Учуяла в белье больничный запах, который мешал жить, но к которому со временем можно привыкнуть. Она взглянула на часы, чтобы узнать время. К сожалению, а, может, к радости, их не оказалось. Ингрид встала под освещение ламп, чтобы узнать, куда падает ее тень. Черная стрелка показала ровно двенадцать или ровно ноль. Ингрид выключила

свет. Осталась гореть слабая лампочка у двери. Эта лампочка всегда не давала уснуть Ингрид и тем, кто до нее находился здесь. Поскрипывали пружины кровати. Где-то раздавались шаги. Они глухо звучали в коридорной тиши. Наконец, и они смолкли под сонное дыхание больных.

Молчание.

Перегорела лампочка у двери. Стало совсем темно и совсем тихо.

ОЧЕНЬ ДЛИННАЯ ПАУЗА.

Ингрид спала. Она не видела, как открылась дверь, и кто-то вошел в палату. Дверь за ним закрылась. Легкий шорох. Кто-то приближался к Ингрид на цыпочках. Когда глаза привыкли к темноте, зрачки увидели силуэт, выделяющийся на белом одеяле. Руки тянулись к голове. Вот они дотронулись, быстро стянули одеяло, и чей-то голос взвился мощно вверх, сотрясая комнату полоумным криком.

Ингрид спросонья вскочила, раздался ее неясный хрип. Она видела кого-то, кто ее пугал. Подскочила к выключателю, и свет прояснил Лив. Та подняла руки, скорчила гримасу и еще раз крикнула. Видя испуг своей жертвы, Лив обрадовалась и закричала еще сильнее.

ЛИВ. Я ведьма! Я ведьма! Злой дух лесных трущоб и топких болот!

Она заметалась по комнате как камышовая выпь, которая таится в высокой траве, и когда охотники все ближе подходят к ней, она не выдерживает испытания и бросается под ноги, заставив врагов забыть о ружье, ждущего залп.

Ингрид пришла в себя. Ей было не страшно, а наоборот, забавно. Жаль только, что ее разбудили. Вот если бы утром. Тогда другое дело. Это было бы намного интереснее ночных приключений.

Лив успокоилась.

ЛИВ. Почему ты не плачешь? Ты не хочешь плакать? Сознайся, что тебе было капельку страшно. Да? Нет. А я в детстве плакала всегда. Когда я жила в пансионате, нам часто устраивали темную. Только ты не подумай,

что я была плохая девчонка, ябеда или воровка. Нет. Просто маленьких и слабых приятно обижать. Мальчишки хохотали до слез, а я в короткой ночной рубашке стояла босиком на холодном полу и глотала соленые ручейки. Когда я начинала плакать, у меня, наверное, три ведра с половиной вытекало из глаз. Вот такая я была рева. У меня не было подруг. Я пряталась ото всех, чтобы побыть одной. Если честно, то со мной никто и не хотел дружить. Я была маленького роста, худенькой. Большие глаза выделялись на бледном лице, и у меня всегда были холодные неприятные руки. Даже летом я носила перчатки, чтобы согреть пальцы. В компании на меня не обращали внимание. Я не могла ничем отличиться от сверстниц, только подражала им, а этого никто не любит. Позже почти у всех девочек появились ухажеры, а мне оставалось только тайно любить одного блондина. А еще через год или два мне чуть-чуть повезло. Девочки задумались о своих фигурах, некоторые сели на диету, а я была самая стройная, но почему-то глупые мальчишки снова не смотрели на меня, а злючки-соседки завидовали. Опять я была одна. Ты тоже стоишь сейчас босиком на полу, как я в детстве, но ты не плачешь, а я так хотела пожалеть тебя. Видно жалость тебе не нужна. Может быть это и правильно, но я бы отдала все, что у меня есть, если бы кто-нибудь пожалел меня тогда. Жалость – плохое чувство. Оно унижает человека, а я хотела быть униженной. Я и сейчас этого хочу, но немножечко. Вот настолько.

Лив показала пальцами расстояние своего желания. Оно не превысило пяти сантиметров, но для Ингрид оно выросло в длинную ночную дорогу. Она подошла к Лив, но та отвернула лицо.

ЛИВ. Не надо. Прошу тебя. Не надо…

Ингрид не могла отойти от нее. Лив хотела убежать, но остаться намного легче, чем сделать шаг. Они так и стояли в нерешительности, и им становилось не по себе от новых непонятных чувств, пришедших

издалека. Ингрид все же решилась положить руку на плечо. Лив не ожидала этого. Она долго смотрела в глаза Ингрид, пытаясь понять ее. Ингрид не могла моргнуть, чтобы не обидеть Лив. Вот тогда ей и захотелось плакать.

ЛИВ *(очень тихо).* Зачем?

Ингрид кусала губы, чтобы сдержать навернувшиеся слезы, но она не в силах была понять, что боль вызовет новый поток отчаяния. Губы задрожали, и она закрыла лицо руками.

ЛИВ. Вот и ты плачешь. Приятно видеть чужие слезы. Ах, разжалобила я тебя. Конечно, представила хрупкую девочку с кривыми ножками, которую все обижали, и вот женщина из сострадания вся изошлась от горя. Спасибо за доброту! Век буду помнить! Что же ты раньше не сочувствовала сиротинушке? Некому было рассказать? Да, и такое бывает. Но заметь, я не просила тебя жалеть. Сама взялась за непосильную ношу.

Ингрид опустила руки. Она не могла поверить в эти бесстыдные слова. Сухой рот неслышно шептал: «Как ты могла?», но этого никто не слышал.

ЛИВ. Успокойся. Я такая шутница. Иной раз наговорю такого, что и сама не понимаю, правду я сказала или выдумала. Чудно, правда?

Ингрид только сейчас почувствовала холод, исходивший из пола. Ее бил сильный озноб. Она укуталась в одеяло, но ее продолжало трясти. Тело наполнилось болью и горечью от нанесенной обиды. Ей мешали руки, они лезли в волосы, глаза. Хотелось их отрубить. Вокруг летали мошки. Что они здесь ищут? Она их разгоняла, а они садились на ее лицо. Она их раздавливала, и от этого было вдвойне тепло и противно. Ощущение грязного тела выводило из себя рассудок. Дикое желание умыться взвинчивало нервы,

но в кране отключили воду. Еще немного и Ингрид не выдержала бы испытания.

ЛИВ. Хочешь, я расскажу, во что играла в пансионате?

Ингрид вскочила как раненый зверь и побежала. Теперь она напоминала ведьму, злого духа лесных болот, и пришлось испугаться Лив. Она хотела остановить ее, но напрасно. Ингрид вошла в роль.

РИТУАЛ

Лив не давала себе отчет в том, сколько сейчас времени. Уже давно наступило утро, и в этот морозный понедельник больницу посетил главврач. Он вошел в палату, когда Ингрид безумно бросилась к окну.

ВРАЧ. В чем дело?
ЛИВ (*заикаясь*). Кризис.

Врач подбежал к больной и с мужской силой сжал ее тело.

ВРАЧ. Успокойтесь, успокойтесь.

Тело изгибалось в его руках, и тогда он начал судорожно трясти ее, пока не обхватил голову руками.

ВРАЧ. Все, все…

Ингрид притихла.

ВРАЧ. Сестра, укол!

На эти слова Ингрид снова ожила. Она показывала врачу на Лив, давая понять ему, что только она – виновница всех ее бед.

ВРАЧ. Что такое? Это медсестра. Она хорошая. Сейчас сделает укол, и вам будет хорошо. Вы поспите и отдохните.

Ингрид ожесточенно замахала руками.

ВРАЧ. Вы не хотите спать? Хорошо. Тогда просто полежите в кроватке.

Ингрид не понимали. Она показывала пальцами, лицом, губами, как ей плохо, но у нее не получались объяснения.

ВРАЧ. Медсестра, вы понимаете ее?
ЛИВ. Она хочет сказать, что ей тяжело.
ВРАЧ. Вот оно что…
ЛИВ. У нее болит горло.
ВРАЧ. Понимаю.
ЛИВ. У нее болит горло.
ВРАЧ. Понимаю.
ЛИВ. Она хочет узнать, как проходит лечение.
ВРАЧ. Может, она не верит в выздоровление?
ЛИВ. Тогда обрадуйте пациентку. Скажите, что ее дела идут на поправку.
ВРАЧ. Совершенно верно. Ваши анализы прекрасные. Могу вам честно сказать, что вы будете петь.

Новая ложь словно ударила Ингрид по лицу. Единственное, что она хотела, это сделать больно Лив. Она посмотрела, как та набирает лекарство в шприц, а рядом с пробирками стояла тарелка с супом. Ингрид взяла ее и протянула доктору.

ВРАЧ. По-моему, это суп.

Ингрид набрала в ложку жидкое, и врачу пришлось выпить. Ингрид с надеждой смотрела на него.

ВРАЧ. Суп немного испортился за ночь. Медсестра, отнесите его в столовую. Почему вы не убрали его вечером?

ЛИВ. Пациентка не хотела ужинать в положенный час, и по ее просьбе я не убрала тарелку.

Ингрид завертела головой.

ВРАЧ. Она говорит «нет».
ЛИВ. По-вашему, я стала бы лгать? Лучше взгляните на это.

Лив подняла подушку, и врач увидел спящие калачиком цветы и осколок.

ВРАЧ. Какой беспорядок! Я заберу с собой.

Ингрид оттолкнула его и спрятала дорогие ей вещи под своим телом.

ВРАЧ. Что с вами, фрау Ингрид? У нас нельзя держать такие предметы. Тем более осколок. Это дурной знак.

Ингрид не слушала его. Врач силой отбирал предметы. Больная тяжело дышала. Она не могла защитить себя. Когда у нее все забрали, она била кулаками по кровати, взвизгивающей от каждого удара.

ВРАЧ. Медсестра, срочно укол!

Лив подошла к Ингрид, но та снова воспротивилась. Врач помог Лив совершить приказ. Ингрид успокоилась.

ВРАЧ. Трудный день. Уже с утра такие инциденты. Кто мог подумать? Кризис… Я пойду. Вы посидите с ней, а если что, позовите меня.
ЛИВ. Хорошо.

Врач понюхал проснувшиеся цветы и ушел. Лив села на стул. Разбился шприц. Кашлянула Ингрид. Лив вытерла платком пот с лица Ингрид и поправила растрепанные волосы. Парило как перед грозой.

СТЫД

Лив было не по себе. Ее покачивало из стороны в сторону. Ноги отяжелели, но было легко глазам. Чтобы не закричать от тишины, она поставила пластинку. Заиграла последняя песня.

ЛИВ. Что я сделала…

Лив задумалась, склонив низко голову. Через некоторое время достала из кармана халата маленькое зеркало. Она посмотрела на себя. Стыдно. Подумав, она подошла к кровати и положила под подушку свой недорогой подарок.
Пластинка закончила играть, но ее никто не хотел менять. Шипел проигрыватель, крутился диск. Очнулась Ингрид и присела на кровать. Лив взяла бинт и подошла к ней.

ЛИВ. Сейчас тебе будет лучше. Я успокою тебя, расскажу сказку, и все забудется, все простится. *(Она забинтовывала лицо Ингрид, и белый бинт как волшебный клубок катился по голове навстречу сказочным приключениям).* В одном сказочном королевстве у короля с королевой родилась дочь. Принцесса была самой красивой девочкой в мире, и даже птицы с юга прилетали любоваться ею. Принцесса с детства любила сказки, которые рассказывала ей перед сном мама, а папа читал ей книжки про дальние страны. Однажды принцесса увидела сон: в далеком-далеком краю на берегу моря сидит мальчик и плачет. Он звал принцессу к себе, чтобы она помогла ему. Наутро она вспомнила свой сон и долго не могла забыть, пока ей не исполнилось шестнадцать лет…

Когда лицо Ингрид побелело от бинта, клубок покатился дальше по телу. Ингрид пугала своим невидимым взглядом, а клубок катился все дальше и дальше, пока не закончился бинт. Лив завязала узел и проверила прочность своей работы. Ингрид застыла, как античная скульптура в манере Дали. Лив встала,

поцеловала в темечко певицу, выключила проигрыватель, подошла к дверям, хлопнула ими, но сама не ушла.
Ингрид, прислушавшись, открыла глаза, но ничего не увидела кроме невыносимого белого цвета. Жуткая пустота бросала в дрожь измученное тело. Ингрид встала, и ей показалось, что она стоит на краю пропасти и нельзя сделать шаг вперед. Можно вернуться назад, в кровать, которая стала для нее отдельным миром. Переборов испуг, Ингрид двинулась. Руки искали прочность, но она скрылась за воздухом. Нет стен, окон, исчез стол, только пол держит ноги. А как хочется крикнуть, позвать на помощь! Тело мучалось, страдало, искало конец, знакомилось со светом. Ингрид хотела снять бинт, но узел спрятался и не хотел показаться. Раздались тихие всхлипывания, как у слепого котенка. Лив изучала белое тело и не старалась помочь. Но когда почувствовала беспомощность близкого ей человека, не выдержала и бросилась к ногам Ингрид.

ЛИВ. Мама!

Ингрид замерла. Лив удивилась произнесенному слову, но ей вдруг стало ласково и тепло от этого. Она прикоснулась головой до колен Ингрид.

ЛИВ. Я тебя назвала мамой.

Ингрид дотронулась до ее волос.

ЛИВ. Мама… В первый раз я говорю это слово. Как это приятно. Почему же тебя?

Лив посмотрела на Ингрид, но не увидела ее глаз. Она быстро разбинтовала лицо. Оно казалось сильно уставшим. Лив улыбнулась ему.

ЛИВ. Я хочу быть с тобой рядом. Я полюбила тебя. Ты стала мне и родной, и близкой.

Ингрид смотрела в одну точку и как будто не слышала слов.

ЛИВ. Я не знаю, как это объяснить, но это глупо вышло. Я издевалась над тобой, сердила тебя, но поверь мне, я хотела сделать как лучше, а получилось наоборот.

Ингрид каменно стояла, закрыв глаза.

ЛИВ. Я ничего не знаю о тебе, но про себя я рассказала все. Да, у меня нелегкая жизнь. Это судьба наказывает меня, но я не хочу, чтобы она. Пусть это будет человек, которого я люблю, тогда я буду согласна со всем. Мама, ты меня слышишь?

Ингрид ушла к окну, Лив отчаянно смотрела на ее спину.

ЛИВ. Ма… Ингрид, ты меня слышишь? Прости меня, если можешь. Хочешь, я на колени стану, съем этот гадкий суп? Я все сделаю. Накажи меня, поставь в угол. Только прости меня. Не выгоняй меня. Мама не сердится на своих детей, она им все прощает. Ингрид, не будь так жестока! Если ты ничего не сделаешь, я уйду. Твое молчание будет означать, что все кончено. *(Лив не могла говорить, ее обожгла безмолвная стена).* Сделай же что-нибудь! Или тебе все безразлично? Не может быть. Ингрид. Ингрид! Я уйду! Это конец! Меня никогда не будет. Ты меня не увидишь. Сделай что-нибудь. Последний раз прошу… Я уйду и никогда не вернусь сюда… Ингрид…

Но Ингрид не слышала ее, а Лив прощалась с ней поцелуем.

ЛИВ. Прощай, мама.

Лив показалось, что палата изменилась до неузнаваемости. Все расплылось в фиолетовых тонах. Никого не видно. Почему-то дождь неприятно стекал по окнам. Свело вправо челюсть. От духоты кружилась

голова. Лив тяжело встала и, не видя двери, вышла из комнаты.
Ингрид видела, как за окном плакал дождь. Раньше никто и не думал, почему зимой плачет дождь. Палата опустела, чего-то не хватало. Ингрид заметила кучу использованного бинта. Она легла на него и попыталась уснуть, чтобы обо всем забыть. Обо всем.

Спокойной ночи, Ингрид.

2 АКТ

ПРИЧАСТИЕ

Ингрид разбудил уличный шум. Невразумительный гам разносился по городу. Казалось, что люди со всей страны приехали посмотреть на главную достопримечательность страны – частную клинику. Но это были не туристы. Раздалось несколько выстрелов, и ярость миллионной толпы взвыла к небу, чтобы осудить его. Муки людей разлились на много миль вокруг. Ингрид подскочила к окну, чтобы прислушаться. Четкий ритм сапог отчеканивал жуткий ритм на мокром асфальте. Ингрид скрылась под одеяло. Шум накрыл больницу и тут же смолк. Стало очень тихо.
Ингрид выглянула, облегченно вздохнула и решила припомнить сон, но бесполезно. Она зевнула и улыбнулась первому весеннему дню. Рука непроизвольно искала что-то под подушкой и нашла. Это было зеркало. Ингрид недоуменно посмотрела на свое отражение и все вспомнила. Она откинулась на теплую постель. Исчезла радость утра и первого весеннего дня.
Открылась дверь. Ингрид вскочила, встречая гостей. Вошла незнакомая женщина в белом халате и постучала по стене, закрыв за собой дверь.

ХАРРИЕТ. Можно?

Ингрид ничего не понимала.

ХАРРИЕТ. Я новая медсестра. Буду ухаживать за вами. Меня зовут Харриет, а вас – фрау Ингрид. Вы известная певица, а я поклонница вашего таланта. Один раз я слышала ваш концерт по радио. Это было… потрясающе. Я сразу же захотела стать певицей. Хотите, я вам что-нибудь спою?

Харриет запела, а огорченная Ингрид накрылась с головой одеялом, чтобы ей никто не мешал. Харриет закончила петь.

ХАРРИЕТ. Но вы меня не слушали! Как странно. Может, у меня нет голоса? Но… Ой, простите, я не хотела обидеть вас. Простите меня великодушно. (*Харриет неловко просила о прощении, торопливо передвигаясь к столу. Оглядев палату, она решила сделать уборку).* Я вам не помешаю? Да, да, да. Вам хорошо спалось? Сегодня было полнолуние. Я всегда мучаюсь по ночам, когда месяц растет, а теперь он совсем вырос, и я не сплю. Как назло закончились таблетки. Я не сторонница этого метода. Меня мама учила, что лучше перед сном выпить отвар из трав. Это успокаивает. Кажется, здесь я прибрала. А какое сегодня прекрасное утро! Настоящая весна! Птицы поют, чирикают, и самой хочется петь. Хотите, я спою? Ах, я уже пела. Больше не буду. *(Харриет начала от волнения грызть ногти).* Ой! Я ноготь сломала. *(Достала из кармана ножницы и состригла ноготь).* И этот кривой какой-то. *(Пришлось состричь еще один).* Так лучше. Страдания из-за этого маникюра. Хочешь быть красивой, должна мучаться. «Красота спасет мир», - говорил мой папа. Я как-нибудь расскажу вам о своих родителях. Они живут в замечательном месте. Представляете: лес, озеро, хутор… *(Харриет не смогла найти нужного слова и осеклась. Пауза).* Летом я люблю собирать ягоды, когда приезжаю в отпуск. С мамой мы варим очень вкусное варенье. Во рту тает! Я вам принесу варенье, и мы попьем чай.

Ингрид посмотрела на нее, Харриет это, видимо, порадовало.

ХАРРИЕТ. Обязательно принесу. Вы какое больше любите? Земляничное? Клубничное?

Ингрид изменилась в лице, Харриет тоже.

ХАРРИЕТ. Очень вкусное варенье… У меня такая мамочка… Я ее люблю…

Ингрид встала, Харриет тоже. Ингрид шла на нее, и Харриет терялась от ее грозного вида.

ХАРРИЕТ. Вам плохо?

Ингрид показала рукой на дверь.

ХАРРИЕТ. Я не понимаю, извините. Что вы хотите? Я на рабочем месте. Может, доктора позвать?

Рука Ингрид изменила направление и потянулась к Харриет, которая схватилась за сердце.

ХАРРИЕТ. Я доктора позову, хорошо? Одну минутку. Фру Ингрид, подождите. Я сейчас…

Харриет спиной продвигалась к двери. Ей казалось, что она прошла десять километров, а финиша не видно. Наконец она почувствовала близость выхода. Харриет открыла дверь, повернулась и вскрикнула. Перед ней стоял главврач.

ХАРРИЕТ. Как вы меня напугали! А я к вам спешила. Человеку плохо.
ВРАЧ. Кому?

Харриет указала на Ингрид и спряталась за врача.

ВРАЧ. Не надо так волноваться. У вас есть причины нервничать?

Ингрид утвердительно качнула головой.

ВРАЧ. Давайте разберемся. Горло болит? Откройте рот. Вот так. Язычок. Горло нормальное. Значит, не болит. Что же вас тревожит?

Ингрид устремила взгляд на медсестру.

ВРАЧ. Как? Медсестра Харриет? Что она сделала вам плохого?
ХАРРИЕТ. Я ничего плохого не делала. Я пришла и не сказала ни слова, а фру Ингрид напугала меня. Я ее боюсь.
ВРАЧ. Вот видите. Она сама кротость. Это отличная медсестра. Профессионал в своем деле. У нее прекрасные рекомендации. Это талантливый человек.

Ингрид не могла их слушать.

ВРАЧ. Посмотрите на нее. Медсестра, покажитесь. Пройдитесь по палате, пусть на вас посмотрят. Вот так, вот так. Она вам нравится?

Ингрид отвернулась.

ВРАЧ. Зачем вы обижаете человека? Ему работать надо, а вы… Харриет, что вы посоветуете?
ХАРРИЕТ. А почему я?
ВРАЧ. А кто?
ХАРРИЕТ. Не знаю.
ВРАЧ. Вы же медсестра.
ХАРРИЕТ. А вы главврач!
ВРАЧ. И что же?
ХАРРИЕТ. Вы и решайте.
ВРАЧ. Я с вами посоветоваться хотел.
ХАРРИЕТ. Может, дать слабительное?
ВРАЧ. Для чего?
ХАРРИЕТ. Для ослабления.
ВРАЧ. Взгляните на нее: она же слабая женщина.
ХАРРИЕТ. А я, по-вашему, сильная?

ВРАЧ. Все боятся решений. Легче спрятаться за кого-то. За нежной душой скрывают трусость.
ХАРРИЕТ. Вы тоже боитесь решений.
ВРАЧ. Я доктор, а не психолог. Человек в себе разобраться не может, а вы хотите, чтобы…

Врач на все махнул рукой. Ингрид лежала на спине, глядя в потолок. Врач и медсестра стояли по разные стороны кровати, как ангелы в белых халатах, думающие об одном: забрать на небо грешную душу или оставить здесь в наказание за прошлую жизнь. Ингрид закрыла глаза.

ХАРРИЕТ. Бедная. Ей скучно.
ВРАЧ. Да, мы поступали некрасиво, когда не приходили к ней в гости, а она нас ждала.
ХАРРИЕТ. Давайте устроим ей маленький праздник.
ВРАЧ. Какое сегодня число?
ХАРРИЕТ. Двенадцатое. Или семнадцатое.
ВРАЧ. Какой же сегодня праздник?
ХАРРИЕТ. Сейчас вспомню. Я не уверена, но по-моему сегодня… сегодня… праздника нет.
ВРАЧ. Как жалко!
ХАРРИЕТ. Что же делать?
ВРАЧ. Станем ее друзьями.
ХАРРИЕТ *(захлопав в ладоши).* Мы будем веселить ее, и она забудет про огорчения.
ВРАЧ. Да! Я куплю ей букет цветов.
ХАРРИЕТ. Дайте я вас поцелую. (*Харриет чмокнула доктора в щеку и зарделась от смущения краской).*
ВРАЧ. Что мы еще можем сделать для нее?
ХАРРИЕТ. Я принесу варенье, печенье, разных конфет, сварю кофе.
ВРАЧ. Что еще?
ХАРРИЕТ. Я умею петь, но я уже пела ей.
ВРАЧ. Споете еще раз.
ХАРРИЕТ. Вы думаете?
ВРАЧ. Конечно.
ХАРРИЕТ. Что мне спеть?
ВРАЧ. Придумаем.

ХАРРИЕТ. У меня есть идея. Давайте пригласим хор девочек из церкви святого Витта. Они такие милые дети. От их пения мне хочется плакать. Доктор, пожалуйста! Я вас очень прошу. Разрешите.
ВРАЧ. Хорошо, хорошо. Гулять так гулять. Будут хор, цветы, шампанское!
ХАРРИЕТ. Ой!
ВРАЧ. Замечательно!
ХАРРИЕТ. Я вас люблю, доктор! У вас добрая душа!
ВРАЧ. Правда?!
ХАРРИЕТ. Разумеется. Раньше вы казались злюкой, не обращали внимания на сестер, а мы ради вас старались быть красивыми. Вы не замечали этого.
ВРАЧ. Прости…те меня, Харриет. То есть медсестра Харриет. Я больше не буду. То есть это не повторится. Я буду внимателен к вам, ко всем. Да.
ХАРРИЕТ. Что «да»?
ВРАЧ. Да.
ХАРРИЕТ. Да.
ВРАЧ. Больная спит?
ХАРРИЕТ. Спит.
ВРАЧ. Пойдемте отсюда.
ХАРРИЕТ. Да.
ВРАЧ. Да?
ХАРРИЕТ. Да.

Они улыбнулись, затем медленно отошли от спящей, боясь разбудить ее и взглянуть друг другу в глаза.

МУЗЫКА В ТЕМНОТЕ

Когда все утихло, Ингрид осмотрела палату, как будто она впервые вошла сюда. Знакомое выглядело неизвестным, далеким. Вот стол, на котором лежали когда-то цветы. Она провела рукой по скользкой поверхности. Свежая пыль волновалась у края от движения тонких пальцев. Стул. Здесь часто сидела Она. Стена. Возле нее стояла Ингрид в тот день и страдала. Окно, манящее уйти в себя. Кровать, чужая, ненавистная. На ней подушка, под которой лежал единственный шанс. Ингрид достала зеркало. Может, в

нем она увидит дорогое отражение? Нет, порвалась пленка.

Ингрид звала Лив, но ее никто не мог услышать. Тогда она решила поймать солнечного зайчика и отпустить, чтобы он прибежал к ней, дотронулся до нее холодным носом, повел неуклюжими ушками, и она бы все поняла. Солнце смущенно опустило глаза, чтобы его свет не тревожил детей. От ламп зайчик не хотел прибегать. Он, затаившись в листве, грыз желтую морковку. Так ничего и не произошло, а так хотелось маленького чуда. Ингрид верила в сказки, их рассказывала Лив. Она знает много сказок. Они интересные, они со счастливым концом. Как волшебная фея, Ингрид загадала желание. Она шептала в зеркало заветные заклинания и молила про себя: «Приди ко мне, пожалуйста. Мне хорошо с тобой. Если ты меня слышишь, вернись, потому что мне очень плохо. Я плачу. Вытри мои слезы, утешь мою скорбь. Подари мне улыбку. Весенний ветер простит нас, и ручьи унесут с собой все плохое».

Ингрид ждала. Прошел день или час. Зеркало потеплело от жарких рук. Ингрид ходила по комнате, не зная, что ей делать. Она опустилась на пол, чтобы почувствовать холод стены.

Вдруг за окном кто-то неуверенно постучал. Ингрид открыла окно, и в палату влетел белый голубь. Он облетел один круг и сел ей на руку. Ингрид сняла с его лапки записку и торопливо прочитала. Голубь улетел. Ингрид не могла поверить. Наверное, все померещилось ей. Только открытое окно и развевающиеся шторы напоминали о том, что чудеса случаются на земле. Она закрыла окно, чтобы не выпустить из комнаты счастье. Ей захотелось сирени, чтобы, съев ее, исполнить мечту.

Хотелось счастья, и Ингрид включила музыку. После паузы появились звуки арии, которую исполняла она раньше. Ей безумно хотелось петь, чтобы раствориться навсегда в сумасшедшей музыке, чтобы

от громкого пения треснуло несчастное сердце, и кровь перекрасила весь мир в яркие радостные краски. Губы безмолвно пели, утопая в ласке, во рту перехватывало дыхание. Чужой голос звучал на пластинке, но она знала, что ее душа поет сильнее, и уши слышат ее, только ее.

Она видела очарованных зрителей, она сияла во свете рамп, и от этого чувства хотелось нестись по музыкальным облакам за горы в бархатистую серебряную даль, где все смеялось от огней вулкана, теплых камней и крика ночных зверей. Она увидела в первом ряду Лив. От двух горевших свечей ее лицо странно преобразилось, оно тускнело от дуновения ветра, то появлялось снова милое и хорошее. Это была не Лив. Это была красивая девушка с приятной улыбкой, ямочкой, дрогнувшей на левой щеке, со слезой, скатившейся из правого глаза. Лив вытерла слезу. Она хотела улыбнуться, но новые слезы утопили улыбку. Ингрид растерялась. Дирижер испуганно посмотрел на нее.

Музыка глухо звенела в ушах. Слезы Лив вызвали сочувствие, и Ингрид не смогла сдержать эмоции. Она расплакалась как девочка, обожженная листьями крапивы. Музыка замолчала.

Ингрид, сломленная рыданиями, упала в белую воду постели. Вот оно чистое счастье, от которого хочется плакать. Грибной дождь слез оживил уснувший мир, и возле тонких арок бровей вспыхнула добрая радуга, чтобы осветить на прощание уставший день. Тихо струился по стенам теплый вечер. На смену арии запел веселый сверчок. От этого было грустно. Его нежное соло терялось в человеческом плаче.

ШЕПОТЫ И КРИК

В больнице был тихий час. Мерный сон тревожили слабые шаги, приближавшиеся в знакомую палату.

Вошла Лив. Она просмотрела на спящую Ингрид, ворочавшуюся во сне. Лив неслышно подошла к ней и закашляла. Чтобы никого не разбудить, она ладонью прикрыла рот. Потом присела на край кровати и долго смотрела на Ингрид. У той дрогнули веки, что-то сказали губы, рука свисла с кровати на пол. Ингрид повернула голову. Лив поиграла пушинкой с ее лицом, дотронулась до губ, а затем раскрыла ей глаза. Ингрид проснулась, посмотрела на продолжение сна, который должен был сбыться. Она не верила, что наяву происходит долгожданная встреча. Лив еще раз открыла ее глаза. Ингрид окончательно проснулась.

ЛИВ. Мне захотелось открыть глаза, чтобы увидеть твой сон. Может, в них я могу увидеть картины твоих фантазий. Но их не было. Я увидела свое отражение. В твоих глазах была я.

Ингрид протянула руку, ей было приятно, как Лив сжимала ее пальцы своими.

ЛИВ. Привет.
ГЛАЗА ИНГРИД. Здравствуй.
ЛИВ. Ты меня звала?
ГЛАЗА ИНГРИД. Да.
ЛИВ. Ты себя хорошо чувствуешь?
ГЛАЗВА ИНГРИД. Не очень.
ЛИВ. Ничего. В сказках всегда счастливый конец.

Ингрид погладила губы Лив, чтобы та досказала волшебную историю.

ЛИВ. Принцессе исполнилось шестнадцать лет. Во дворце король устроил пышный бал. Много гостей из разных королевств приехало на день рождения. Принцессе дарили дорогие подарки, и она благодарила гостей за любовь к ней. Под вечер начались танцы, и радостная принцесса сгорала от восторга, как вдруг ветер принес на розовом облачке невиданный по своей красоте цветок. Принцесса взяла его, и лепестки прошептали ей: «С днем рождения!». Она не знала, кто

мог прислать ей такой прекрасный подарок. Придворный мудрец взглянул на него и ответил, что этот цветок растет на Ароматном острове, который находится далеко-далеко на самом краю света, и там никто еще не бывал. Принцессе захотелось попасть туда. Она села на облако и полетела. Когда она скрылась за кроной неба, ее опечаленные родители заплакали от горя, и в королевстве перестали происходить чудеса. А принцесса долго летела на облаке, прижимая к груди волшебный цветок, который пел ей замечательные, но непонятные песни. Наконец, показался вдали за сиреневой дымкой моря цветущий остров. Принцесса почувствовала аромат, который дарил ей радостный ветер. И вот она стоит на зеленом лугу. Ее встречают травы и бабочки, ветки деревьев приглашали войти в оранжевый лес. Принцесса пошла по тенистой тропке в чащу и попала на земляничную поляну. Возле искрящихся огней земляники лежал мальчик, которого принцесса давным-давно видела во сне. Он увидел ее и заплакал. Принцесса обняла его и спросила: «Почему ты плачешь?», а он ответил: «Потому что мне хорошо».

«Разве можно плакать, когда хорошо?» - «Конечно! Я ребенок. Ведь не бывает детей, которые не плачут. Когда дети смеются, сердца взрослых веселятся вместе с ними, а бабушки и дедушки вспоминают себя маленькими, но старость не может вернуть их в детство, потому что с годами забывается причина смеха. Когда дети плачут, взрослые тревожно оглядываются и готовы прийти на помощь. В лабиринте воспоминаний проступают нечеткие облики горя, и тогда люди понимают, отчего им хочется плакать. Это рождает стремление раскрыть тайну, и этим живет человек. Понимаешь, все ждут, когда заплачет небо. Его слезы нужны миру. Так и слезы детей заставляют взрослых задуматься о жизни. Им нужны наши слезы».

Принцесса спросила: «А сейчас тебе хорошо?», а мальчик сказал: «Очень-очень хорошо, потому что я не один. Я рада жизни за то, что она подарила мне тебя». И он крикнул: «Спасибо тебе, жизнь!». Принцесса захотела остаться здесь, и мальчик был доволен. «Только, - сказал он, - ты никогда не вернешься назад». «Хорошо», -

ответила принцесса. И они жили на Ароматном острове, им было всегда хорошо, и они смеялись и плакали на вечной земляничной поляне. Тебе понравилась сказка?
ГЛАЗА ИНГРИД. Я люблю сказки. Спасибо.
ЛИВ. Это тебе спасибо. Добрые глаза радуют больше, чем интересные слова.
ГЛАЗА ИНГРИД. Ты права.
ЛИВ. А тебе хорошо? Вот и весна пришла. Как давно мы с тобой не виделись. Я скучала по тебе.
ГЛАЗА ИНГРИД. Поцелуй меня.

Лив поцеловала Ингрид, и ее охватило сильное волнение.

ЛИВ. Почему целуются люди? Разве это любовь? Они хотят сделать приятное другому человеку? Но так нельзя подарить счастье. Я больше никогда не буду целоваться, чтобы потом не страдать вместе. Тебе стыдно?

Ингрид стало страшно. Она искала ответ, но его попросту не могло быть. Нет ответов в природе.

ЛИВ. Тебе хочется смеяться?
ГЛАЗА ИНГРИД. Нет.
ЛИВ. А я готова хохотать. Не знаю почему.

Ингрид хотела что-то сказать, но болезнь не давала ей такой возможности. Беспомощность помогла понять, что она может писать.

РУКИ ИНГРИД. Дай мне бумагу.
ЛИВ. Сейчас.

Лив достала из сумочки блокнот с ручкой. Ингрид писала, но это было не то. Она зачеркнула и стала писать дальше. Ингрид протянула блокнот Лив. Лив достала очки и прочитала.

ЛИВ. Что же произошло между нами? *(Вернула блокнот).* Если бы я могла знать. *(Сильно закашляла).* Я не знаю. Ведь ничего не было, но откуда это могло взяться?.. Оно было. Все шло само собой, никто не

торопил события, и мы не замечали наэлектризованный воздух вокруг нас. И вдруг произошло. Внезапно, глупо, красиво, как в кино. Что-то надорвалось во мне, и меня потянуло к тебе. Это был короткий миг счастья, бред, сон. Страшно вспомнить, но он оборвался, и мы не увидели конца. Я не понимала, и мы расстались… Боже! Как болят пальцы!

У Лив дрожали руки. Она ломала свои пальцы. Комок застрял в горле Ингрид.

ЛИВ. Я ушла в себя, ничего не хотела, ничего не могла. Надо было забыть. Я внушала себе, что все о'кей. Все хорошо, хорошо, но как это плохо. Я не хотела возвращаться назад, и вдруг ты меня позвала. Я не ожидала, что это произойдет так скоро. Я не думала, что ты можешь позвать меня. Я останавливала время, оно медленно шло, но все-таки шло! Я не хотела приходить, не хотела, не хотела! Я представила, как я войду. Какая это мука – видеть тебя! Я не могла посмотреть в твои глаза. А что я скажу? Притворюсь, что это был каприз ночи или судьбы? Превратить все в шутку? Тем более я предчувствовала, что ты тоже ничего не скажешь. Ты просто притаишься и все. Твое присутствие начало угнетать меня. Так страшно, когда не с кем поделиться своим горем, и я плакала как дурочка, и знала, что если ты увидишь мои слезы, ты будешь страдать. И мы молчали, боясь остаться наедине и поговорить друг с другом. Ведь это так просто…

Слова Лив заглушила новая волна кашля. Ее мутило, но она продолжала говорить, потому что она не могла молчать.

ЛИВ. Мне очень плохо. А было бы еще хуже, если бы ты была рядом и говорила ласковые слова. Это невыносимо. Что же это такое?

Лив посмотрела на Ингрид. Та хотела помочь ей, утешить, но она растерянно путалась в мыслях.

ЛИВ. У тебя красивые глаза. Перестань думать и успокойся.

Преграда молчания разделяла их. Лив хотела выругаться, чтобы стало легче, но она спешила высказаться до конца.

ЛИВ. Два хороших человека страдают и, зная об этом, ничего не могут сделать. Мне трудно говорить с тобой. Я поняла, что не могу полностью довериться тебе, а тем более сделать хоть один шаг, чтобы понять. Мы готовы говорить о пустяках, не замечать главного, а при встрече взглядов лгать в глаза… Ничего, ничего. Мы вбили в голову разную чушь. Что было, то было. Так или иначе, но что-нибудь новое обязательно произойдет. Ты мне веришь?
ГЛАЗА ИНГРИД. Верю.

Голос Лив становился нервным, взвинченным, истеричным. Ей не хватало воздуха, еще немного, и она потеряет сознание. Ингрид тяжело дышала, как в агонии.

ЛИВ. Неужели это нервы? Может быть и так. Мы не способны осознать происходящее… Знаешь, мы не психи, мы нормальные люди, хотим счастья, любви, понимания, согласия, всего-всего. Брось. Не расстраивайся. Я знаю, что все будет хорошо.

Лив трясла голову Ингрид, как будто ей так легче будет понять ее слова. А потом Лив обняла ее как ребенка. А потом Лив затанцевала.

ЛИВ. Очнись! Все хорошо! Глупенькая, утри слезы. Перестань, перестань. Мы не будем огорчать друг друга. Не плачь, хорошая моя, умная, красивая, добрая, лучшая на свете! Радуйся жизни вместе со мной! Ура! Я люблю тебя, жизнь! Я вас всех люблю! Все прекрасно и замечательно! Это чудо! Как я счастлива!..

Внезапно она покачнулась. От танца закружилась голова, подкосились ноги, и Лив упала. Тело больно встретилось с гранитным полом. Ингрид ждала, когда же встанет Лив, пока не поняла, что та не встанет никогда.

Беззащитные маленькие зверьки проводят свою жизнь в хаотичном движении, не задумываясь ни о чем. Их заботы направлены на встречу зимы, на мысли о еде и продлении рода, но когда их давят ногой, они кричат как люди, и только в их смертном крике чувствуешь отчаяние божьей твари.

Ингрид напоминала зверька. Ее давила ногой жизнь, и она закричала после долгого молчания. Это был не крик. Это было что-то жуткое, хриплое, рычащее. Треснул голос, и Ингрид испугалась еще больше, когда поняла, что она убила свой голос, что это конец.

Ей показалось, что кто-то ударил ее топором в спину, хрустнул позвоночник, и от тупой боли она не смогла дышать. Как страшны были ее глаза!

За окном пел хор девочек церкви святого Вита, приглашенный главным врачом в клинику, чтобы развеселить больных. Было весело.

ЗАНАВЕС